

Квазисубъекты в киберправе

Аннотация. Система субъектов киберправа находится в процессе постоянного развития, обусловленного появлением новых цифровых технологий. Актуальной теоретической проблемой является развитие теории квазисубъектов в праве и определение правового статуса электронного лица как квазисубъекта права.

Под квазисубъектом понимается лицо, не обладающее всеми признаками субъекта права. На основе объема правовых характеристик в киберпространстве можно выделить такие виды квазисубъектов, как лица: наделенные субъективными правами и обязанностями, но не несущие ответственность (интеллектуальные агенты, киберфизические системы, системы искусственного интеллекта, роботы); не обладающие правосубъектностью, но реализующие свои интересы через интересы субъектов права, как правило, в качестве конституционно-правового императива (будущие поколения).

Ключевые слова: киберправо, система субъектов киберправа, цифровые технологии, электронное лицо, квазисубъект права, системы искусственного интеллекта, киберфизические системы.

**Светлана Георгиевна
ЧУБУКОВА,**

доцент кафедры
информационного права и
цифровых технологий
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

sgchubukova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.053-061

SVETLANA G. CHUBUKOVA,

Associate Professor of the Department
of information law and digital technologies
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
sgchubukova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Quasi-subjects in cyber law

Abstract. The system of subjects of cyber law is in the process of constant development due to the emergence of new digital technologies. An actual theoretical problem is the development of the theory of quasi-subjects in law and the definition of the legal status of an electronic person as a quasi-subject of law.

A quasi-subject is a person who does not possess all the characteristics of a subject of law. It is possible to distinguish such types of quasi-subject as persons: endowed with subjective rights and obligations, but not responsible (intellectual agents, cyberphysical systems, artificial intelligence systems, robots); not having legal personality, but realizing their interests through the interests of subjects of law, as a rule, as constitutional and legal imperative (future generations).

© Чубукова С. Г., 2023

Keywords: *cyber law, system of subjects cyber law, digital technologies, electronic person, quasi-subject of law, artificial intelligence systems, cyber-physical systems.*

Научный и технологический прогресс привел к появлению нестандартных, с точки зрения правовой науки, участников общественных отношений в цифровой среде. Системы искусственного интеллекта, киберфизические системы, роботы в настоящее время признаются уже нередко реальными участниками гражданского оборота, осуществляющими деятельность, автономную от их создателей и владельцев.

На практике данные технологии и системы не только выполняют предписанные разработчиком действия, но при этом сами являются инициаторами изменения своего поведения в киберпространстве. Технологии машинного обучения, самостоятельного извлечения знаний из предметной области, в которой функционирует подобная интеллектуальная система, создают определенную автономность от воли их создателей, владельцев и пользователей.

В киберпространстве появляются децентрализованные автономные организации (Decentralized autonomous organization, DAO), решения в которых принимаются в электронном виде на основе правил, реализованных в форме программы¹. Они не имеют статуса юридического лица, их члены не заключают никаких официальных юридических договоров, не создаются традиционные органы управления. Деятельность строится на самоисполняемых умных контрактах (smart contracts), регулирующих поведение всех участников данного объединения. Это поставило перед юристами непростой вопрос о правовой идентификации данных технологических новаций.

По вопросу правового статуса новых появившихся участников отношений в киберпространстве, к которым сегодня можно отнести интеллектуальных (программных) агентов, роботов, киберфизические системы и другие интеллектуальные программные и технологические решения и системы, в юридической науке имеются абсолютно различные, нередко полярные точки зрения: от непризнания их в качестве возможных субъектов права до разработки правового статуса электронного лица и постановки других не менее спорных вопросов, связанных, например, с их ответственностью.

При этом во многих странах развивается практика правового регулирования отношений с участием данных электронных лиц. «Право превращает участников общественных отношений в субъекты правоотношений»². По мнению британского футуролога Яна Пирсона, в ближайшем будущем электронные формы жизни получают конституционные права во многих государствах³.

¹ Например, DAO company, Digix.global and the cryptocurrency Dash.

² Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : Омега-Л, 2005. С. 458—459.

³ Ян Пирсон новую расу на Земле прогнозирует уже к 2030 году // Послезавтра. 22 марта 2012 г. URL: <http://poslezavtra.org.ua/?tag=2020>.

Следует отметить, что в юридической науке на протяжении ее истории уже предпринимались попытки осмысления с позиции права подобных и еще более абстрактных явлений.

Так, известный ученый, правовед Л. И. Петражицкий в своей психологической теории констатировал, что не только реальные, но и воображаемые существа могут быть субъектами прав и обязанностей. С позиции Петражицкого, договор, который суеверный или психически нездоровый человек подписывает с дьяволом, имеет императивно-атрибутивную природу. И, по мнению ученого, данная ситуация «не особо отличается от других случаев связывания себя волей несуществующих лиц, к которым относятся государство, юридические лица и другие образования, не обладающие волей, сознанием и вообще самостоятельным (от представлений людей) существованием, но которым люди приписывают власть над своим поведением»⁴.

Попытки рассмотреть в качестве субъекта права участников отношений, не обладающих всеми признаками субъекта, привели к появлению в науке и законодательстве таких новых понятий, как «квазиправосубъектность» и «квазисубъект права». Их применение в юридической доктрине связано, как правило, с обозначением таких лиц, общностей, организаций, которые не обладают всеми традиционно называемыми признаками субъекта права: сознанием, волей, субъективным интересом, субъективными потребностями и др.

Так, к квазисубъектам права относят: национальные меньшинства, коренные народы, субъекты федераций, непризнанные и самопровозглашенные государства⁵; нации, трудовые коллективы, семью⁶, неправительственные организации, международные организации, транснациональные корпорации⁷; собрания работников, их представительные органы⁸; иностранные организации, не являющиеся юридическими лицами по иностранному праву⁹.

В научной литературе уже предпринимаются попытки выделения признаков, характерных для феномена квазисубъекта права. Еще Н. Н. Алексеев подчеркивал, что для защиты определенной социально-правовой ценности законодатель наделяет ее правами, тем самым определяя ее правоспособность. Так, ценностью правопорядок признает не только активных правовых деятелей, но и социальные

⁴ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 98, 102—106.

⁵ См.: Лукичев П. Н., Скорик А. П. Квазигосударственность // Полис. 2001. № 2. С. 139—142; Хабриева Т. Я. Введение // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой, и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. М.: Статут, 2017. С. 28.

⁶ Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.

⁷ См.: Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., 2014. С. 29, 315.

⁸ Долинская В. В. Проблемы квазисубъектных образований в частном праве // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой, и международно-правовой анализ. С. 315.

⁹ Елисеев И. В. Новое в коллизионном праве России // URL: http://antonivanov.ru/balfort/collision_law.html (дата обращения: 10 января 2023 г.).

коллективы, общности и животных, которые не обладают необходимым составом признаков субъекта права¹⁰.

Социально-правовая ценность «технологических» участников отношений в киберпространстве сегодня все чаще признается в правовом сообществе.

Вопрос правового статуса систем искусственного интеллекта и киберфизических систем приобрел актуальность в связи с выходом резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 «Нормы права о робототехнике»¹¹, которая поставила вопросы о гражданско-правовом статусе и ответственности роботов и искусственного интеллекта.

До этого момента российская юридическая доктрина рассматривала роботов исключительно как технические устройства и относила их только к объектам права.

С выходом указанной резолюции Европарламента некоторые российские исследователи выступили с законодательными инициативами.

Так, Д. С. Гришиным был разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». В нем предложено дополнить первую часть Гражданского кодекса главой «Роботы-агенты». Согласно сделанным предложениям, робот призван участвовать в гражданском обороте, иметь самостоятельное имущество, самостоятельно отвечать по своим обязательствам, приобретать и осуществлять гражданские права и обязанности от своего имени, выступать в качестве участника гражданского процесса¹².

Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта «Робоправо» с целью выявления основных проблем, которые могут возникнуть в обществе и правовой системе в связи с активным развитием киберфизических систем, обобщил основные правила робототехники и определил возможные направления решения существующих и ожидаемых проблем. Указанные исследования нашли отражение в подготовленном проекте конвенции по робототехнике и искусственному интеллекту. Проект в качестве объектов робототехники рассматривает все категории роботов, независимо от назначения, опасности, мобильности или автономности, и киберфизические системы с любой формой искусственного интеллекта¹³.

Несмотря на подобные кардинальные, по сути, предложения о решении правовых проблем робототехники, современная юридическая доктрина в основном рассматривает искусственный интеллект и роботы как объекты права, объекты *sui generis*¹⁴.

¹⁰ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 131—134.

¹¹ European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/ta-8-2017-0051_en.html (дата обращения: 10 января 2023 г.).

¹² URL: https://robopravo.ru/proiektu_aktov (дата обращения: 10 января 2023 г.).

¹³ Проект модельной конвенции по робототехнике и искусственному интеллекту. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта (авторы: А. Незнамов, В. Наумов) // URL: http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia (дата обращения: 10 января 2023 г.).

¹⁴ Минбалева А. В. Механизмы регулирования использования искусственного интеллекта // Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М., 2022. С. 699—710.

Так, 10 октября 2019 г. Президентом РФ был издан Указ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Стратегия вводит понятие искусственного интеллекта как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру... программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»¹⁵.

При этом Стратегия вводит понятие «сильный искусственный интеллект» для систем общего назначения с интеллектом, сопоставимым с интеллектом человека и способных имитировать разумное поведение человека¹⁶, что оставляет актуальными вопросы о его правовой определенности.

Так, В. В. Архипов и В. Б. Наумов анализируют возможность применения к искусственному интеллекту статуса юридического лица¹⁷. А. А. Иванов отмечает возможность возникновения двойственного статуса искусственного интеллекта, поскольку он сможет быть как объектом, так и субъектом гражданского права¹⁸. Также высказывается мнение, что к искусственному интеллекту применимо правило, используемое еще в римском праве — *servi res sunt* (рабы — вещи). С этой точки зрения искусственный интеллект не может быть самостоятельным субъектом права, но он может приобретать права и обязанности для своего хозяина¹⁹.

О. А. Ястребов, следуя «чистому учению о праве» Г. Кельзена, вводит в российской правовой науке понятие электронного лица, которое предлагает трактовать как персонифицированное единство норм права, которые обязывают и уполномочивают искусственный интеллект (электронный индивид), обладающий критериями «разумности»²⁰.

¹⁵ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁶ Искусственный интеллект // URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/artificial%20intelligence> (дата обращения: 10 января 2023 г.).

¹⁷ Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6 (55). С. 46—62.

¹⁸ Иванов А. А. Мечтают ли андроиды об электроовцах? // URL: zakon.ru/blog/2017/2/15/mechtajut_li_androidy_ob_elektroovcakh (дата обращения: 10 января 2023 г.).

¹⁹ E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей / Е. А. Останина, Л. В. Кузнецова, Е. С. Хохлов [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2019. С. 407.

²⁰ Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 36—55.

П. М. Морхат определяет электронное лицо как «обладающий некоторыми признаками юридической фикции (по аналогии с юридическим лицом) формализованный технико-юридический образ, отражающий модальную фреймизацию и детерминирующий в юридическом пространстве специфическую правосубъектность персонифицированного юнита искусственного интеллекта, обособленную от человеческого субстрата и гетерогенную (в части комплексов прав и обязанностей юнита) в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита, и в силу этого аппроксимированный к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, то есть его функционально-целевому назначению»²¹.

Однако, вводя в оборот понятие электронного лица, все исследователи отмечают особенности его правосубъектности — невозможность обладания им всеми признаками субъекта права. Если практика также идет по пути наделения указанных лиц субъективными правами и обязанностями, то такая важная составляющая правосубъектности, как возможность нести юридическую ответственность, отсутствует для электронных лиц.

Применительно к системам искусственного интеллекта вопрос об ответственности впервые широко поднимался в резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г., где указывается, что искусственный интеллект не может нести ответственность, поскольку его действия или бездействие зависят от оператора (владельца) или производителя. Однако в резолюции также отмечается, что, чем выше автономность искусственного интеллекта, тем меньше он может расцениваться как обычный инструмент.

В распоряжении Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» отмечено, что наиболее значимыми вопросами применения систем искусственного интеллекта и робототехники в контексте гражданско-правовых отношений являются вопросы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта и робототехники. Реальный уровень развития технологий искусственного интеллекта и робототехники не предполагает кардинальных изменений в регулировании института юридической ответственности, однако требует постепенной доработки его отдельных элементов²².

В этой связи требуется дальнейшая проработка механизмов гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности, при принятии ими решений, в том числе с точки зрения определения лиц, которые будут нести ответственность за их действия, доработки при необходимости механизмов безвиновной гражданско-правовой ответственности, а также возможности использования способов, позволяющих возместить причиненный действиями систем искусственного интеллекта и

²¹ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 30—31.

²² СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

робототехники вред (например, страхование ответственности, создание компенсационных фондов и др.)²³.

Такие особенности электронных лиц, как отсутствие воли в правовом смысле, отсутствие собственных интересов, неспособность формировать субъективное отношение к совершаемым деяниям и нести юридическую ответственность по причине отсутствия чувства вины, позволяют нам рассматривать указанные лица как квазисубъекты права.

Наконец, необходимо выделить еще одну категорию лиц, не обладающую правосубъектностью, чьи интересы и ценности, однако, реализуются в киберпространстве через правосубъектность других субъектов — *будущие поколения*.

В настоящий момент исследование данного правового феномена осуществляется преимущественно специалистами в области конституционного права²⁴. Это обусловлено тем, что понятие «будущие поколения» содержится в преамбуле Конституции РФ и используется в контексте определения ответственности народа Российской Федерации за свою Родину. В этой связи есть все основания рассматривать будущие поколения как квазисубъект права, так как их интересы входят в сферу правовых ценностей. Последние должны рассматриваться в рамках концепции ответственности перед будущими поколениями в качестве конституционно-правового императива регулирования реализации права на информацию и отношений, складывающихся в киберпространстве в области ее охраны²⁵.

Так, проблемой современного общества стало намеренное распространение ложных (фейковых) новостей в социальных медиа в виртуальной среде и традиционных средствах массовой информации с целью введения в заблуждение и получения определенной финансовой или политической выгоды. В современных условиях недостоверная информация становится эффективным и действенным оружием. «Возможности трансграничного оборота информации все чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности»²⁶.

Все острее встает проблема пересмотра истории и искажения понимания и значения многих важных дат российской истории, особенно исторических событий Великой Отечественной войны. «Эта проблема не может быть отнесена к числу сугубо научных, связанных с поиском исторической истины, так как в зависимости от трактовки многих событий по-разному может выстраиваться понимание

²³ Щитова А. А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 184—185.

²⁴ Зорькин В. Д. Правовое будущее России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 7—16.

²⁵ Чубукова С. Г. Принцип ответственности перед будущими поколениями в информационном праве // Аграрное и земельное право. 2018. № 11. С. 134—137.

²⁶ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

современной России, повышаться или понижаться уровень патриотизма среди подрастающего поколения»²⁷.

Известный российский философ Александр Зиновьев предупреждал о том, что «впереди у России, пожалуй, самый страшный этап агрессии со стороны Запада, который связан с искажением роли русских, занижением их вклада в историю человечества и исключением из человеческой памяти всех следов пребывания великого русского народа»²⁸.

Решение этих вопросов определит будущее российского народа. Очевидно, что интересы и возможности будущих поколений являются отражением интересов и возможностей нынешнего поколения, а реализация права на достоверную информацию, обеспечение надежности и сохранности информационных ресурсов будет определять способность будущих поколений жить и развиваться.

Интересы будущих поколений нашли отражение в новой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы²⁹. В ней речь идет уже не о построении информационного общества, а о формировании информационного пространства, основанного на знаниях. Целями информационного пространства знаний являются обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора.

Таким образом, в современном информационном обществе такие вопросы, как развитие цифровых информационных ресурсов, сохранение и получение достоверной информации, обеспечение информационной безопасности, напрямую связаны не только с интересами существующих субъектов информационной деятельности, но и с интересами будущих поколений.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что система субъектов киберправа находится в процессе постоянного развития, обусловленного появлением новых цифровых технологий.

Актуальной теоретической проблемой является развитие теории квазисубъектов в праве и определение правового статуса электронного лица как квазисубъекта права.

На основе объема правовых характеристик в киберпространстве можно выделить такие виды квазисубъектов, как лица:

- наделенные субъективными правами и обязанностями, но не несущие ответственность (интеллектуальные агенты, киберфизические системы, системы искусственного интеллекта, роботы);
- не обладающие правосубъектностью, но реализующие свои интересы через интересы субъектов права, как правило, в качестве конституционно-правового императива (будущие поколения).

²⁷ Чарыков Д. В., Бугас О. Д. Фальсификация истории Великой Отечественной войны как научная и социальная проблема // Военно-исторический журнал. 2019. № 2.

²⁸ Зиновьев А. А. Русская трагедия (Гибель утопии). М., 2002. С. 60.

²⁹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. — СПб., 1998. — 215 с.
2. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. — 2017. — Вып. 6 (55). — С. 46—62.
3. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права : учебник — 2-е изд. — М. : Омега-Л, 2005. — 608 с.
4. *Долинская В. В.* Проблемы квазисубъектных образований в частном праве // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. — М. : Статут, 2017. — С. 315—324.
5. Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей / Е. А. Останина, Л. В. Кузнецова, Е. С. Хохлов [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2019. — 448 с.
6. *Зиновьев А. А.* Русская трагедия (Гибель утопии). — М., 2002. — 95 с.
7. *Зорькин В. Д.* Правовое будущее России // Журнал российского права. — 2011. — № 10. — С. 7—16.
8. *Лукичев П. Н., Скорик А. П.* Квазигосударственность // Полис. — 2001. — № 2. — С. 139—142.
9. *Минбалеев А. В.* Механизмы регулирования использования искусственного интеллекта // Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. — М., 2022. — С. 699—710.
10. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018. — 420 с.
11. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — СПб., 2000. — 606 с.
12. *Пономарева Е. В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2019. — 208 с.
13. *Черниченко С. В.* Контуры международного права. Общие вопросы. — М., 2014. — 592 с.
14. *Чубукова С. Г.* Принцип ответственности перед будущими поколениями в информационном праве // Аграрное и земельное право. — 2018. — № 11. — С. 134—137.
15. *Щитова А. А.* Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 225 с.
16. *Ястребов О. А.* Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2018. — Т. 13. — № 2. — С. 36—55.

